

Чонкин и Войнович пошли по миру

"Я родился в 1932 году. Работал пастухом, столяром, инструктором райисполкома, редактором Всесоюзного радио, профессором Принстонского университета, четыре года служил солдатом. В 1974 г. был исключен из Союза писателей, в 1980-м изгнан из СССР, в 1981-м лишен гражданства. Теперь восстановлен в гражданстве и членстве, живу в Москве, Мюнхене и в самолете, курсирующем между этими двумя точками", - так излагает свою биографию автор "Чонкина" Владимир Войнович

- Владимир Николаевич, недавно вышла ваша новая книга "Замысел". Признайтесь, сейчас не страшно писать? Ведь пять лет назад мы читали взахлеб. А теперь появление новой книги событием уже не становится?

- Да нет, я же 25 лет вообще был запрещен: писал, а никто этого не печатал. В самиздате что-то ходило, но ведь это хождение ограниченное.

- Зато потом вас все прочитали. Почему период этого интереса к литературе так быстро прошел?

- Советская жизнь располагала к чтению: на работе - скука, за границу не поедешь, по ТВ только и показывают, как Брежнев награждают... Но, знаете, если для того, чтобы быть хорошими читателями, нам нужен тоталитарный режим - то пусть лучше люди не читают.

- Несмотря на квартиру в Мюнхене, вы большую часть времени живете в России. Что же, здесь лучше?

- Лучше, хуже - тут для каждого свое, это очень тонкая материя.

- А почему вы все же не превратились в гражданина мира в той степени, как, например, Ростропович или Неизвестный?

- Просто у нас разные профессии. Ростропович - музыкант. Неизвестный - скульптор, их искусство интернационально. Там, может, их даже больше понимают. Мне Ростропович как-то рассказывал, что, когда его здесь запретили, некий чиновник сказал: "Ты думаешь, мы тебя запрещаем потому, что ты Солженицына прятал? На самом деле, ты просто плохо играешь!" Он вышел и заплакал. На Западе у

него таких разочарований не было... Ну а писательское искусство - оно очень национально. И хотя мои книги переводятся, главное их существование тут.

- Ваша дочь пишет на немецком? Причем, я слышала, в духе Франсуаза Сagan?

- Свою первую книгу она написала в 17 лет. Сейчас - еще одну. Я никогда не хотел, чтобы она стала писательницей, но она очень самостоятельная. Там не печатают по блату. И одно из главных немецких издательств напечатало ее не потому, что она моя дочь.

- Вам не жалко, что русский язык ее не вдохновил?

- Была такая смешная история. Когда мы в 89-м приехали в Россию, ей было 15 лет. Зашли к кому-то в гости, и там портрет бородатого человека. Она спрашивает: "Кто это?" Все стали смеяться: это был Толстой... Мы же когда уезжали, ей было 7 лет, в первый класс пошла сразу в немецкую школу. Сейчас свободно говорит на четырех языках, читала Катюлла и Горация на латыни. Что-то она, конечно, потеряла. Но что-то и приобрела.

- Раскройте секрет: писатель Войнович - богатый человек?

- К сожалению, нет. Жизнь писателя довольно сложна. К тому же его постоянно обворовывают. Например, тут вышел "Чонкин", но половина изданий была пиратской. Когда я живу тут, злых гонимых мне не хватает даже на относительно

скромную жизнь. А на Западе жизнь дороже. Одна квартиплата - 2000 долларов. По западным меркам, я человек весьма скромного достатка.

- Значит, на писательстве вообще невозможно заработать на нормальную жизнь? А вот Айтматов, говорят, купил себе самолет...

- Не знаю, так ли это. Но Айтматов, кроме всего прочего, очень деловой человек. Сейчас стал послом. Зачем писателю быть послом?

На Западе есть писатели, которые зара-

батывают миллионы. Агата Кристи, если бы была жива, тоже была бы мультимиллионершей. Но это коммерческие писатели. Тем, кто пишет, чтобы выразить себя, - гораздо сложнее. Есть в Америке и такая должность - "писатель при университете". Университет приглашает его вести семинары. Но основная задача - поддержать писателя, чтобы он спокойно мог писать свои книги.

- Вас не приглашали?

- Вскоре после того, как я покинул СССР, меня пригласили выступить в Гарвардском университете. Я тогда себя еще очень неуютно чувствовал на Западе. К тому же у меня не было никакого опыта публичных выступлений. Я боялся, что не смогу сказать им чего-то особенного, важного и непременно разочарую. Я выступил, принимали меня хорошо, а потом был прием. И там, на приеме, я вдруг так напился! Не только сам напился, но еще и всех напоил. Они как-то от меня заразились, и так все перепились, что на следующий день боялись друг на друга смотреть.

А потом я узнал, что, оказывается, они меня хотели пригласить на эту самую должность "писателя при университете". Но я их так напугал, что свое предложение они решили снять...

- Говорят, если писатель непьющий, значит, это нерусский писатель!

- Но это был исключительный случай, я никогда так не пил.

Потом я еще несколько раз выступал в Гарварде, и каждый раз они смотрели на меня с испугом.

- В свое время вы писали письмо в защиту Солженицына. Почему, с вашей точки зрения, в вернувшемся Солженицыне публика так быстро разочаровалась?

- Ожидали гласа Божьего - а он все-таки человек. И, когда божественного откровения не последовало, начались разочарования. У меня была одна знакомая, она очень любила композитора Хачатуряна. Но когда наконец-то с ним познакомилась, он только что купил новые ботинки и говорил об этих самых ботинках. Он ее очень разочаровал... Так же и Солженицын. Его репутация была настолько нечеловеческой, что соответствовать ей просто невозможно. А этого не поняли ни он, уверовавший, что является мессией, ни те, кто возвел его на этот пьедестал.

- С бывшими коллегами по Союзу писателей сейчас общаетесь?

- Советские писатели - очень специфическая категория людей. Колоссальное самонимение здесь часто сочетается с колоссальным невежеством. Жили писатели в писательском квартале у метро "Аэропорт". Сначала встречались во дворе, потом вечером в ресторане Дома литераторов. Когда ехали отдыхать в Дом творчества в Коктебель, опять встречались. Так и жили всю жизнь коммунальной квартирой. Ходили все с портфелями, все друг другу дарили книги с подписью. Никто никого не читал. Я общаюсь с теми, с кем и раньше общался, - с Булатом Окуджавой, с Беллой Ахмадулиной, с Бенедиктом Сарновым.

- Скажите, а о чем сейчас вообще стоит писать? Ведь за окном сюжеты разворачиваются почти любого романа...

- Я сейчас сам испытываю странное чувство, что та жизнь, которая идет, - о ней невозможно написать адекватно. Она слишком быстро меняется. Поэтому пишу ТВ-сериал. Только телевидение способно ухватить сегодняшнюю жизнь.

- И о чем это будет?

- Это комедия. Условное название - "Новые русские". Главный персонаж - американец, приехавший в Россию жениться и попадающий в разные дурацкие ситуации. По крайней мере, когда читаю отрывки, все смеются. Поскольку я долго жил на Западе, могу посмотреть на нашу жизнь глазами иностранца. А жизнь эта, согласитесь, порой очень комична...

Ирина ХМАРА.